

Семья и школа в христианской педагогике протоиерея Василия Зеньковского

В статье рассматриваются основные положения педагогики протоиерея В. Зеньковского в свете христианской системы ценностей. В качестве основных принципов выделены преодоление идеологической ограниченности педагогики, приобретение подлинной мудрости на основе христианских ценностей, доверие к возможностям ребенка, развитие творческо-религиозного потенциала детского характера.

Ключевые слова: протоиерей Зеньковский, христианская педагогика, Церковь и школа.

В своей теологической педагогике протоиерей Василий Зеньковский обращал приоритетное внимание на «то, чтобы семья дорожила не внешним вниманием ребенка к себе, а именно внутренним, свободным соучастием его в жизни семьи. Только на этих путях и можно духовно помогать ребенку: он должен сам, без подсказки, без внешних мотивов почувствовать и пережить всю духовную реальность, значительность его связи с семьей, должен сам освободиться от гипноза все семейной среды» [1, с. 76]. В рамках практических рекомендаций о. В. Зеньковский предлагал объективно оценивать возможности семейного воспитания и ни в кое случае не осуществлять принуждения в религиозной сфере: «Нужно быть крайне осторожным с вмешательством семьи в жизнь подростка, даже небольшая погрешность может быть роковой и духовно совсем отодвинуть подростка от семьи, создать глухую стену. Это стадия “блудного сына”, и семья больше всего должна думать о том, чтобы подростку было привольно и свободно в ней, чтобы ничто его не гнало из семьи... Совершенно невозможно требовать в это время посещения храма, обязательной молитвы; если подросток чувствует, что семья горько переживает его религиозную халатность, но никогда не позволяет себе упрекнуть его, она этим достигает гораздо больше, чем прямым вмешательством... Семья должна бояться потерять путь к сердцу подростка, мятущемуся, неуравновешенному, беспокойному; искушение вмешаться и “разъяснить” подростку опасность и неправильность его каких-либо поступков чрезвычайно велика. А между тем темная духовность этого периода, создаваемая томлением пола, не укрощается через интеллект; надо терпеливо и любовно ждать того, когда юная душа свободно вернется к светлой духовной жизни. Она может вернуться только свободно – всякое же понуждение и принуждение может только совсем закрыть путь для внутреннего обращения души к Богу» [1, с. 56]. Подобное применение на практике всего комплекса теоретических подпринципов – любви, свободы, соборности, эсхатологичности и т. д. – создает ту неповторимую и продуктивную атмосферу семейно-религиозного воспитания, которую считал необходимым о. В. Зеньковский для созревания подлинно христианской души.

И, конечно, особую роль в семейно-религиозном воспитании играют родители. Если кратко определить эту роль, то, по мнению о. В. Зеньковского, «главное,

в чем состоит религиозное воспитание в семье – это общая религиозная жизнь с родителями» [2, с. 99]. Именно оба родителя – мать и отец – должны способствовать духовному единению семьи, но о. В. Зеньковский придавал особое значение роли матери. «Внешнему растеканию семьи, – писал он, – очень часто соответствует и внутреннее: у каждого члена семьи своя социальная среда, с которой он связан, свой круг знакомств, свой круг интересов. Что же объединяет еще семью в одно целое? Не только в истории семьи, но и в современной семье мать является ее связующей силой, ее живым, средоточием» [1, с. 73]. Материнство выступает в интерпретациях о. В. Зеньковского как духовная функция, как стержень, на котором крепится вся семейно-духовная целостность: «Всегда центром и источником семейной связи оказывается мать, и тут, собственно, и обнаруживается, что целостность, столь естественная в семье при семейном труде, может существовать и без этого, находя неистощимый источник своих сил в тех связях членов семьи с матерью, которые духовно настолько содержательны и богаты, что в состоянии крепко и глубоко связать всех» [1, с. 73]. Метафизичность материнства концептуальна для христианской педагогики: «Мать для всех нас не есть только та точка в эмпирической ткани бытия, где каждый из нас приходит в мир, но это есть и та метафизическая точка для каждого, через которую мы связываемся с вечностью и в вечности» [1, с. 43].

Поэтому становится понятна вся деструктивная направленность внецерковных концепций, в том числе и современных нам, культивирующих феномена «антиматеринства». В данной стратегии нельзя не увидеть стремление сформировать в общественном сознании радикально разрушительные идеи, спровоцировать тотально разрушительный прайминг социокультурной идентичности через разрушение традиционной функции материнства. Укорененность подобных деструктивных стратегий в современном сознании подтверждается их актуальностью для современного феминизма. Можно привести всего несколько кратких цитат, фиксирующих концепцию «антиматеринства»: «Материнство уничтожило женщину, и поэтому оно должно быть искоренено; материнство опасно для женщины, потому что оно утверждает ситуацию, при которой женщина должна быть только женщиной» (Дж. Аллен); «С. Фарейстон была убеждена, что до тех пор пока женщины продолжают рожать детей, они с неизбежностью будут угнетаемы» [3, с. 94]. И подобные феминистические идеи хорошо были знакомы о. В. Зеньковскому. Показательно, что теории «антиматеринства», расцветшие к середине XX в., воспринимаются как религиозно значимые, в частности Т. Б. Щепанская писала: «знаком конца света служит нарушение связи “мать-дитя”, как базовой связи и основы общественного единства» [4, с. 220]. Именно об этой опасности стремился предупредить о. В. Зеньковский.

Родители несут особую ответственность в деле религиозного воспитания детей, и те методики, которыми они пользуются также своеобразны. В основе этого педагогического инструментария лежит личная вера, личная духовность, на чем настаивал о. В. Зеньковский: «Однако нельзя дать ребенку больше, чем сам имеешь... Детей не столько нужно учить молиться, как молиться вместе с ними, атмосфера молитвы сильнее всего действует на их душу» [2, с. 97].

По мнению о. В. Зеньковского, семейная духовная педагогика составляется из совместной религиозной деятельности и родителей и детей совместная

деятельность родителей и детей, что определяет специфику внутрисемейных отношений.

Серебряный век, как и современность, являет нам примеры дискредитации традиционно сложившихся властно-управленческих отношений в семье. На «рубеже веков» радикальному пересмотру подвергалось право на власть в семье, однако при обвинении в диктате завуалированным оставался вопрос ответственности. «Всемирно-историческое поражение женского пола» (Ф. Энгельс) рассматривалось как одна из глубочайших несправедливостей истории, приведшая, по логике деструктивности, к созданию патриархальной семьи. Несправедливость, послужившая первоосновой семьи, должна быть устранена, взывает к лучшим чувствам читателя литература – и зовет к разрушению «несправедливой» семьи.

В результате происходит деструктивно ориентированная перекодировка семейного языка, члены семьи перестают понимать друг друга в буквальном смысле, не слышат друг друга – вавилонское столпотворение внутри семьи. Родительская любовь, потребность и желание защищенности и прочие «сантименты» не вписываются в аксиологические схемы деструктивных стратегий Серебряного века. Скорее подчеркивается негативность влияния родителя на ребенка, родитель становится источником усиления дискомфорта, а подчас и источником трагедии для детства, помехой для «правильного» с точки зрения деструктивности развития ребенка. Решением этой сложнейшей проблемы, по мнению о. В. Зеньковского, может стать только «искреннее благочестие отца и матери, благоговейно совершаемая ими молитва, их терпеливая покорность Воле Божьей в тяжелых испытаниях жизни, любовь к труду, забота о младших – все это передается восприимчивому сердцу ребенка в доброй христианской семье». И, конечно, не может быть забыто то упоминаемое таинство брака, придающее глубоко духовный формат внутрисемейным отношениям. Само представление о браке как о таинстве предполагает, что человек не только существо с определенными физиологическими, психологическими и социологическими функциями, но и гражданин Царства Божия; «с точки зрения православия жизнь человека в целом и в наиболее ответственные ее моменты в частности включает в себе вечные ценности и Самого Бога» [5, с. 77].

Но все вышеприведенные рассуждения о. В. Зеньковского можно рассматривать в качестве подготовительных для раскрытия центральной темы религиозной педагогики – отношения Церкви и школы. Особенно значимой данная тема представляется в практическом аспекте: современные споры вокруг взаимоотношений школы и Церкви, несомненно, определяют нынешний вектор церковно-светских отношений. Поэтому мнение о. В. Зеньковского по данному вопросу может рассматриваться как продуктивная рекомендация, направленная на развитие современной тео-педагогики.

При этом весьма актуально звучит следующее высказывание о. В. Зеньковского: «Религиозное обоснование педагогики, конечно, ставит школу в связь с Церковью, но вовсе не делает ее административно подчиненной духовенству (по той простой причине, что понятие Церкви никогда не может быть отождествляемо с понятием клира)» [5, с. 21]. Позиция православного педагога очевидна: религиозная сфера педагогического процесса не связана жестко со священством, скорее в педагогическом воспитании призвана принимать участие вся Церковь в ее соборном понимании – и миряне, и клир.

Надо отметить, что о. В. Зеньковский не идеализирует отношения Церкви и школы: «Не отрицая того, что религиозная свобода не достигается и в той школе, которая не порвала с Церковью, подчеркнем лишь, что отделение Церкви от школы неизбежно давит на религиозный мир ребенка, расслабляет и принижает религиозные движения» [5, с. 248]. Но без действенной, преобразующей связи Церкви и школы невозможно результативное духовное воспитание. Однако радикальная светскость школы, ее светско-идеологический характер, считал о. В. Зеньковский, более пагубно в педагогическом отношении: «Преобразование школы в орудие политики вовсе не связано с религиозным подходом к проблемам воспитания, а в наши дни порабощение школы разными идеократическими системами превосходит все, что было свойственно эпохе Победоносцева» [5, с. 21]. Решение преобразовать школу продолжает проект создания «островков» церковной культуры: «Если мы стремимся к новой школе, внутренне, а не внешне проникнутой началами христианства, руководимой духом Церкви, а не ее властью, то имеем в виду начинания отдельных групп, частную инициативу» [5, с. 31]. Именно в этом аспекте можно увидеть стремление применить принцип соборности, который распространяется на Церковь и на православную школу.

Отсюда и вытекает обоюдоострая задача, сформулированная о. В. Зеньковским: «Обе задачи – социальное преобразование и создание надлежащей пришкольной среды – неотделимы, но вся главная тяжесть должна лежать не на школе, а на обществе, точнее говоря, на тех социальных группах (общинах), внутри которых тема религиозного преобразования должна быть поставлена во имя ее собственной правды, а не во имя утилитарного мотива» [5, с. 32]. Тут и раскрывается специфика «школьной» педагогики о. В. Зеньковского – придать школе, а точнее обществу, сосредоточенному вокруг православной школы, максимально весомое духовное звучание. И школа, и общество становятся при таком подходе подлинной Церковью, единым телом Христовым, ведь «Церковь есть весь церковный народ как живая, целостная соборность, осиянная Святым Духом» [5, с. 150].

По сути, рассматривая школьные возможности, о. В. Зеньковский предлагает придать школьному воспитанию все те же вышеупомянутые признаки – эсхатологичность, метафизичность, вселенскость и т. д. «Преобразование жизни, писал он, – через школу возможно лишь в том случае, если и жизнь и школа включены в систему преобразования истории вообще, то есть в Церковь» [5, с. 157]. Еще раз подчеркнем: именно в Церковь, а не в структуру, подчиненную исключительно тем или иным структурам священства. Духовная значимость Церкви в том, что «Церковь вне нас и Церковь в нас (действующая в церковном нашем сознании) – одна только и несет благодатное осеменение души, в котором достигается свободная, целостная жизнь, подлинно, а не психологически только освобождающая от внутренней раздвоенности» [5, с. 22]. Несомненно, о. В. Зеньковский не забывает и даже акцентирует внимание на «трудности идеи церковной культуры вообще» [5, с. 247], однако это трудность, которая требует большего напряжения, стимулирует на преодоление своим грандиозным масштабом.

Именно масштабность, поистине безграничность задачи, стоящей перед школой, воодушевляет о. В. Зеньковского: «Не нужно реальность Церкви ограничивать храмовой, богослужебной жизнью ее – реальность Церкви шире храма и богослужений. Как тело Христово, как мистический организм Церковь не

только вмещает в себя молитвенные излучения, идущие от верующих, но и простирается и на всю полноту индивидуальной и социальной жизни» [5, с. 230]. Именно такой формой социальной жизни и призвана стать православная школа. Вместе с тем сложность этой задачи усугубляется потаенностью религиозной жизни человека: «Тайна срастания отдельного человека с Церковью всегда останется тайной... важно хранить тайну своей духовной сращенности с Церковью» [5, с. 230]. Хотелось бы обратить внимание на вторую часть приведенной цитаты: потаенность становится действенной частью педагогики, и в этом специфичность и неповторимость христианского воспитания. Опыт потаенности, культивируемый христианством, опыт хранить тайну не от чего-то или кого-то, а для чего-то, как, например, это происходит с таинством Евхаристии, направленной на спасение, и есть тот опыт, на котором базируется школьная практика тео-педагогики.

Отец В. Зеньковский подчеркивал: «Таинства для детей, безусловно, необходимы, ибо они создают связь души с Церковью», а потому «встреча жизни с Церковью и преобразование ее в духе Церкви должно начинаться уже в школе» [2, с. 97]. Православный педагог считал, что «к Церкви нужно вести детей с раннего детства – хотя процесс воцерковления личности, по существу, может начаться лишь в юности» [5, с. 199], но при этом сама школа должна ощущать свою неразрывную связь с Церковью.

Литература

1. В доме Отца моего. Сборник статей. – М. : Храм Трех Святителей на Кулишках; Благотворительный фонд «Северная обитель», 2001
2. Зеньковский, В. В. Педагогика. – Клин: Христианская жизнь, 2002.
3. Брандт, Г. А. Философская антропология феминизма. – М. : Алетейя, 2006.
4. Щепанская, Т. Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. // Христианство в регионах мира. – СПб., 2002.
5. Зеньковский, В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – Клин: Христианская жизнь, 2002.

S. A. Kolesnikov

The family and school in the Christian pedagogy of archpriest Vasily Zenkovsky

The article discusses the main provisions of the pedagogy of archpriest V. Zenkovsky in the light of the Christian system of values. The main principles are overcoming the ideological limitations of pedagogy, the acquisition of true wisdom on the basis of Christian values, confidence in the capabilities of the child, the development of creative and religious potential of children's character.

Keywords: Zenkovsky, archpriest, Christian education, Church and school.

References

1. V dome Otca moego [In my Father's house]. Collected papers. Moscow, 2001
2. Zenkovsky V. V. Pedagogy. Klin, 2002
3. Brandt G. A. Filosofskaya antropologiya feminizma [Philosophical anthropology of feminism]. Moscow, 2006
4. Szczepanskaya T. B. Antimaterinstvo: k narodnoj eschatologii XX v. [Anti-maternity: folk eschatology of XX century Christianity in the regions of the world]. St Petersburg, 2002.
5. Zenkovsky V. V. Problemy vospitaniya v svete hristianskoj antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Klin, 2002.